

Прагматизм и коррективизм¹

Эхтибар Н. Джафаров

Есть два широко распространенных подхода к социальным явлениям. Один из них – “прагматический”, в соответствии с которым человек должен использовать статистические данные и исторические прецеденты в суждениях о других людях и при принятии решений о том, как к ним относиться. Пример: на протяжении всей истории армию (скажем, нацистов), вторгающуюся в страну (скажем, в Чехословакию), приветствовали и помогали ей шпионажем многие граждане этой страны, этническая принадлежность которых была такой же, как у захватчиков. Таким образом, справедливым было предположение, основанное на таких фактах, что японские жители западного побережья США во время Второй Мировой Войны приветствовали бы японскую армию, осуществи она вторжение, или были бы склонны к шпионажу в ее пользу. В результате, с прагматической точки зрения их следовало интернировать, и именно так и было сделано.

Другой подход называют “политической корректностью.” В применении к нашему примеру, согласно этому подходу, такое интернирование ужасно и безнравственно, и для обоснования этого в нем отрицается статистическая вероятность того, что американцы японского происхождения могут быть нелояльными к США. Вы – расистская свинья, если вы думаете иначе, и к черту историю.

Хотя они и кажутся диаметрально противоположными, эти два подхода имеют общее основание. Я называю его групповым мышлением. Прагматист говорит: вы, индивид, принадлежите к группе со статистически плохими чертами, поэтому я буду относиться к вам, индивиду, как если бы вы лично имели эти черты. “Корректист” скажет так: относиться к вам, индивиду, таким способом ужасно, поэтому я отрицаю, что группа, к которой вы принадлежите, имеет статистическую тенденцию к проявлению этих черт. В более умеренном варианте коррективизма, я допускаю групповую тенденцию, но а priori объясняю ее прошлым или существующим притеснением и несправедливостью в отношении вашей группы; и я за применение аффирмативной политики (affirmative action) в целях исправления этой несправедливости. Это все то же групповое мышление, потому что аффирмативная политика означает особые привилегии человеку из-за его групповой идентификации.

На первый взгляд представляется, что человек с просвещенным, либеральным, гуманным мировоззрением должен всегда предпочитать точку зрения коррективизма, по крайней мере в умеренном варианте. Прагматизм часто используется, чтобы post-hoc оправдывать социальные предубеждения, предрассудки и откровенную нетерпимость к “не таким как я сам” (bigotry): я не хочу, чтобы мексиканец жил со мной по соседству, поэтому я собираю и преувеличиваю статистику преступлений среди мексиканских иммигрантов. В противоположность этому, аффирмативная политика часто бескорыстна и благородна, по крайней мере в начале: вы знаете, что женщин в математических науках мало, поэтому вы организуете поиск, нацеленный на выявление математически талантливых женщин, и поощряете их поступление на математические факультеты.

Но вскоре возникает немало проблем. Аффирмативная политика часто

¹ Перевод с английского Б.Г. Мещерякова с редакторским участием автора.

принимает форму обратной дискриминации. Вы знаете, что женщины не очень успешны на математических факультетах, поэтому вы принимаете их в учебные заведения и предлагаете им позиции в обход более талантливых мужчин. Тем самым создается класс профессиональных активисток, которые систематически проводят в жизнь свои специфические варианты аффирмативной политики для того, чтобы обеспечивать свой карьерный рост. Более того, и это так же часто наблюдается, как и игнорируется, жертвы притеснения показывают очень малое (если вообще какое-либо) моральное превосходство над своими угнетателями, как только их роли меняются. Дайте угнетаемой группе право безнаказанно судить своих бывших угнетателей, и вы получите лавину ложных обвинений. Создайте класс администраторов, наделенных ролью следить за тем, чтобы прежде угнетаемые группы были бы справедливо представлены в профессиональной области, и вы получите снижение профессиональных стандартов и режим дискриминации в пользу идеологических активистов. Это все хорошо известные истины. Если вы попытаетесь аргументировать, что американские кандидаты в президенты не должны задабривать про-израильские группы интереса, чтобы быть избранными, вас немедленно обвинят в антисемитизме. Попытайтесь предположить, что недопредставленность афроамериканцев в науке может быть следствием факторов, ничего общего не имеющих с подавлением талантливых афроамериканцев, и на вас повесят ярлык “расистская свинья”. Даже будучи сформулированы как гипотезы и возможности, со всеми научными предосторожностями, такие представления будут всегда считаться “радикальными”, тогда как политически корректные взгляды, даже когда они очевидно несостоятельны или примитивны, будут восприниматься как “хорошо сбалансированные”. Рациональные аргументы очень плохо сочетаются как с прагматистами, так и с коррективистами. С ними обоими хорошо сочетаются моральное негодование и сомнения в чистоте мотивов противника. Те и другие апеллируют к нравственности: прагматисты, как правило, к “традиционным ценностям,” коррективисты – к “прогрессивным ценностям.” Те и другие сознательно лгут для обоснования своих взглядов. Те и другие подвергают остракизму и наносят несправедливый ущерб своим противникам.

Существует ли способ избежать этого симметрического тупика? Я не уверен в практичности, но думаю, что есть идеальная моральная позиция, которая позволяет принимать статистическую правду о группах и избегать дискриминации и несправедливости к индивидам. Назовем это «антигрупповой моралью»: систематически отвергайте групповое мышление в суждениях об индивидах и в мерах воздействия на них. Допускайте в порядке интеллектуальной честности статистические закономерности и исторические факты, но откажитесь, в порядке морального императива, когда-либо применять их к конкретным людям. Я думаю, что этот подход можно назвать действительно просвещенным, либеральным и гуманистическим. Допустите правду, что евреи статистически превосходят других представителей белой расы в академических областях, но забудьте об этом, оценивая каждого конкретного еврея и не-еврея при принятии их на академическую работу. Не лгите, что евреи не являются статистически более умными, только помните, что статистические закономерности и исторические аналогии – это не несомненные факты, когда применяются к тому или иному человеку. Признайте, что женщины, которым в прошлом чинили преграды в занятиях математикой, социологией и медициной, после “снятия преград” продемонстрировали блестящий статистический прогресс в социологии и медицине, но не в математике – и забудьте об этом знании, экзаменуя женщину и мужчину при поступлении в аспирантуру или при занятии должности на

математическом факультете. Признайте возможность того, что американцы японского происхождения были статистически предрасположены к переключению своей лояльности к вторгающейся японской армии, – и (что намного труднее, по очевидным причинам) не делайте вообще ничего, чтобы предотвратить это, дабы ваши действия не были несправедливыми и безнравственными по отношению к тому или иному индивидуальному американцу японского происхождения.

В этом подходе нет ничего нового или необычного. Он, по существу, идентичен краеугольному камню западной юриспруденции — презумпции невиновности. Мое поведение кажется подозрительным вам, потому что многие преступники ведут себя таким же образом, как я, но вы оставляете меня на свободе, если у вас нет доказательств, что определенно я, а не преступники, ведущие себя как я, совершил это конкретное преступление. Игнорируя статистические данные, вы статистически неизбежно, с некоторой вероятностью, возможно даже и высокой, позволяете виновному оставаться на свободе, но вы делаете это потому, что нравственно не потерпите наказания невиновного. Это – ясная и рациональная позиция. Вне юриспруденции, однако, ее очень трудно осуществить. Я подозреваю даже, что ее невозможно осуществить пока люди не избавятся от религии, этноцентризм и патриотизма – иррациональных предрассудков и болезней, которыми их с ранних детских лет заражают определенные группы. В отличие от других предрассудков и болезней, таких как расизм и сексизм, они пользуются высоким уважением и даже рассматриваются как нравственно обязательные. В этом заключается их опасность для всех моральных принципов, и в особенности для «антигрупповой морали». Но я не буду развивать этот вопрос здесь. Независимо от практической реализуемости, я думаю, что систематическое отрицание группового мышления является нравственно защитимым и превосходным по сравнению с позициями прагматизма и политической корректности.

Поступила в редакцию: 12.06.2012 г.

Сведения об авторе

Эхтибар Н. Джафаров – профессор психологии в *Purdue University* (США).
E-mail: ehtibar@purdue.edu